

ИГРЫ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

Воскресенье 1988-1989 г.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Нынешний сезон в Республиканском русском театре развивается со скоростью хорошего детектива, в котором сюжетные повороты обозначаются выстрелами. В начале сезона коллектив «выстрелил» «Клопа», а дальше — целая «аналогия»: Пять новых рабст уже появилось в афише театра. Спектакли эти обозначают одно: театр движется, театр развивается, театру важен и интерес зритель. Хотя, конечно, по своим художественным качествам новые постановки различны.

Я отложил в сторону программы трех спектаклей. Один из них — для взрослых. Два других — для детей. Чтобы объяснить, что заставило объединить их в одном обзоре, позволю себе немного потерминировать.

Мне представляется, что существует род спектаклей, который строится на игре. Принципиально. Не просто на игре актеров, а на игре как способе познания и отражения действительности.

Такие постановки, как правило, экспериментальны. На них лежит налет даже экспериментаторства. Я говорю это не в осуждательном смысле. Но выдуманная, порой сказочная ситуация требуется драматургу и режиссеру для того, чтобы проверить, каковы возможности театра, соотнести — причем быстро, живо, оперативно — действительность с реальностью театральной. Игра ведь развивается по правилам. То есть ей требуется схема. И тут, как у детей, правила могут быть даже важные мысли.

Игра Ю. Бондарева, безусловно, имеет много общего с «Игрой в Бисер» Г. Гессе. Но там и тут речь идет о проявлении человеческого духа, а какой-то момент оторвавшегося (или вспарывшего) от реальной почвы.

Игра, о которой я говорю, — другое свойство. Это — математика, помогающая развитию искусства театра. Чтобы показать выдуманную ситуацию, нужно выдумать набор приемов или техник бы использования выдуманных другим. Слово «прием» я отношу и к драматургии, и к режиссуре...

Пьеса В. Дозорцева «Завтрак с неизвестными» мне представляется выдуманной. Хотя газетная реклама «Проществания» то и дело преподносит нечто с налетами и опять-таки захватами. Точность заключается в том, что в данном случае налет нужен для того, чтобы вывернуть наизушку две стандартные байбаски: художника и хозяйственного руководителя. Второго мы застаем, когда он, ослепленный за хищника и пр., бежит из колоды. Художник так художником и остается, но столпившиеся с людьми, бежавшими из места на столы отдаленных паразитов рывчат — это благополучную жизнь, изменяет его самооценку... Жил-был нормальный, порядочный человек. И вот — разный вырвал, и означивается, что и порядочность его во многом сомнительна, и нормальность чуть ли не про-

ступана... Подобное (про резкий поворот) встречается у Пристли, в радиопьесах немецкоязычных драматургов. Дозорцев, однако, этот мысленный эксперимент нарочито усложняет...

Газета это не признак игры — плюс в любую минуту может стать минутом! В пьесе есть такие моменты, когда кажется, что Человек в шляпе (так обозначен в программе баглый хозяйственник) — персонаж более правильный, более последовательный и чуть ли не более честный, чем его антагонист — художник.

Говорят, спектакль этот за свою короткую жизнь претерпел сильные изменения. Но я застал его в начальной стадии и буду говорить о том, что видел. На сложную, иногда путаную канву пьесы В. Дозорцева наложилось желание режиссера Н. Березина сделать из гибрида детектива и психологической драмы почти философскую притчу. Поскольку эта притча не подкрепляется текстом, не подтверждается драматургически, то в спектакле мы наблюдаем как бы сразу две игры по разным правилам.

Режиссура, оформление — все направлено на то, чтобы украсить спектакль символически, связывая приобщение на даче художника с повседневностью нашей страны, если зрители — с перестройкой. Именно украсит! Нет органического единства.

Что делать в столь сложной ситуации авторам! Мне понравился В. Шитов. Его Человек в шляпе — это тип, это характер, это нечто живое и знакомое. Шитов умудряется, участвуя в спектакле, не участвовать в игре, которая ведется драматургом и режиссером — ни в той, ни в другой. Актер разрушает выдумку В. Дозорцева. Он показывает человека, который имеет право на понимание и который может изобразить понимание. Это — отнюдь не карикатура, но и не фотография. Схема, заданная пьесой, становится образом.

Мне показалось, что в конце спектакля после того, как шитовский герой снял шляпу (что не просто жест или движение — это один из моментов, на которых держится спектакль), образ превратился почти в тень. Матерый личик перестал быть таковым, превратился в слабого человечка.

В. Шитов в этом спектакле убедительнее своих партнеров. Однопланово (как в пьесе, так и в спектакле) герои Н. Дудинова, О. Шумилова, Т. Афанасьева. Каждый актер играет какую-то одну функцию. Отклонения незначительны.

Художник Константин Старе (В. Малюшин) в спектакле одновременно и словесно, и прощало, чем в пьесе. Актер в этой роли, пожалуй, даже слишком многозначителен. Наблюду все внешние признаки интеллигентности — в жесте, в голосе. Но узы, в протестах с преступниками Старе проигрывает в интеллектуальном противоборстве. Хотя все игра строится так, что победа должна быть за художником.

Сказка Л. Филатова «Про Федота-стрельца, удалого мо-

ледца во многом возникла из жонглирования калембурами, намеками. Собственно говоря, сказочное действие тут и затеяно для того, чтобы сказать острое слово. Поэтому удивительна попытка того же Н. Березина сделать из во многом умезрительной игры детский спектакль. Однако режиссер за постановку взялся, и представление (употребил это не театральное слово) в общем и целом получилось. Есть в нем что-то от скромных потешек, когда исполнители, а также зрители ни на минуту не забывают о некоторой несерьезности происходящего.

Достойная всесюжетной повзвны работа В. Латыпова. Вот Потешкин спускается в зал и усмиряется в протеста, становится как бы частью публики. Артист играет весело, он нравится юным зрителям, вызывает их доверие.

Гораздо труднее Н. Дудинову, исполнителю роли Федота. Работы настоящей способному артисту в спектакле нет. За что его герою привалило такое счастье, что его желания тут же исполняются? Сложный вопрос. Автор пьесы показывает: Царь плох и глуп, Генерал — и того глупее, а стрелец — молодец, но это все лишь декларируется. Поэтому, несмотря на все старания Н. Дудинова, его полужителный герой не оставляет бледен. Этим удальский юнгик. (Ситуация изменяется, когда Федот отправляется в плавание по морю). Ира, как последовательно создается непривычный тип — царь-недоразумишко — и Генерал (Р. Сардыков). Удивительное дело, но каглицкий посол (зту в общем-то эпизодическую роль счастливо играет А. Фандерев) в этом спектакле оказывается персонажем ничуть не менее заметным. Сцена, в которой он появляется, построена протесно, весело. Отдаю себя отчет в том, что сказка Л. Филатова, даже поставленная на сцене, — это

игра более легкого свойства, чем тот же «Завтрак...». Выдумки, которыми изобилует эта работа театра, не претендуют на то, чтобы асприниматься как символы. Спектакль показал богатые творческие возможности актеров. Забаву эту можно воспринять как эскиз для артистов.

И еще об одном спектакле. Мюзикл Г. Арсентьева, И. Голубевой по повести К. Грехме «Мистер Лягушонок», поставленный В. Абросимовым, по моим наблюдениям, понравился детям. Музыка и песни здесь — составная часть действия. Актеры (драматические) неплохо поют и танцуют. В этом заслуга постановщика вокальных номеров Э. Олиной и балетмейстера Чонгон-дык-Тю.

Я беседовал с музыкальным руководителем московского театра студии «Арлекин» Ириной Голубевой. Как один из авторов пьесы, она высоко оценила новую работу театра. По ее мнению, в спектакле есть все, что предполагалось пьесой.

Оформление спектакля — детская площадка. Каждый предмет, который мы видим на сцене вначале, становится элементом игры, в которую включаются актеры. Игра простая, ясная, но поучительная...

26 раз был показан «Лягушонок» детям в каникулы. Каникулы кончились. Жизнь театра идет своим чередом.

Этот сезон Республиканский театр начал со спектакля «Клоп» по пьесе В. Маяковского. Спектакли, о которых я здесь говорил, свидетельствуют движение, развитие продолжают.

А. КАСИМОВ.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля «Про Федота-стрельца, удалого малца», Федот — Н. Дудинов, Потешкин — В. Латыпов, Фото Р. Кудоярова.